

УДК 94(571)«17»

А. С. Зуев

Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: zuev@lab.nsu.ru

**ОСВОЕНИЕ И ПРИСВОЕНИЕ МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – XVII ВЕКЕ ***

В центре внимания автора – процесс переформатирования русской властью в конце XVI – XVII в. социальных и потестарных структур, существовавших у народов Сибири, в направлении их адаптации к русским государственным институтам и социально-политическим практикам. Показано, что в этом процессе важную роль сыграло описание русскими сибирского социально-политического пространства, включаемого в состав Московского государства, понятными им самим соционимами, с помощью которых они классифицировали и иерархизировали существовавшие у сибирских народов социальные группы, в том числе элиты.

Ключевые слова: Сибирь, XVI–XVII века, присоединение Сибири, русско-аборигенные отношения, социально-политическая адаптация, политическая культура.

Политика Российского государства в отношении сибирских народов изучается давно и плодотворно, особенно в последнее десятилетие, когда явно обозначилось внимание историков к выявлению ее идеологических и этнокультурных оснований, а также параметров инкорпорации нерусских народов в российское социополитическое пространство. Результаты многочисленных исследований, проведенных отечественными и зарубежными специалистами, позволяют вполне определенно утверждать, что базовые установки сибирского варианта «аборигенной» политики определялись существовавшей в стране авторитарно-автократической (самодержавной) политической системой и присущей ей идеологией, доминированием государства над обществом, его гипертрофированной ролью во всех сферах жизни, в том числе в экономике. В период присоединения Сиби-

ри к России, начавшегося в конце XVI в. и завершившегося в основном к началу XVIII в., генеральными целями этой политики, при всей вариативности ее практической реализации в отношении разных народов, являлись приведение в российское подданство как можно большего числа иноземцев и закрепление как можно больших территорий («новых земель») за Московским государством.

В историографии также получило распространение представление о том, что в процессе присоединения Сибири русская сторона, довольствуясь признанием сибирскими народами власти московского правителя и выполнением ими определенного круга повинностей, минимизировала свое вмешательство в их внутренние социально-потестарные и хозяйственные отношения, оставляя у местных «вождей» порой весьма широкие полномочия (см.: [Ковалешкина,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-00027).

2005. С. 51; Русские в Евразии..., 2008. С. 60–61; Каппелер, 2000. С. 33; Акимов, 2010. С. 293] и др.). И лишь позже, в XVIII в., она приступила к кардинальной перестройке сибирских этносоциумов, осуществляя их правовую, социальную, культурную и отчасти экономическую русификацию. Соглашаясь в целом с такой трактовкой, обратим, однако, внимание на то, что подчинение Московским государством сибирских иноземцев сопровождалось все же явно выраженным процессом реформирования существовавших у них социальных и потестарных (у сибирских татар, возможно, политических) структур и отношений в направлении адаптации последних к русским государственным институтам и социально-политическим практикам. Этот процесс, насколько нам известно, еще не оказывался в поле зрения исследователей, хотя он, несомненно, заслуживает пристального внимания, поскольку его анализ полезен для понимания политического дискурса московской власти, что в свою очередь позволит лучше раскрыть нюансы ее «аборигенной» политики в Сибири.

Расширяя свои владения от Урала к Тихому океану, русская власть столкнулась с проблемой освоения местного социально-политического пространства, которое требовалось сделать своим и соответственно присвоить себе. Эта задача осложнялась тем, что сибирские народы весьма заметно различались по языку, хозяйственному укладу, социальной и властной организации. Наряду с народами запада и юга Сибири, которые знали систему господства-подчинения, выражавшуюся в данничестве и кыштымстве, имели государственные образования (сибирские татары), либо близкие к ним политические структуры (енисейские кыргызы), либо крупные клановые («родовые») объединения с относительно стабильной и стратифицированной властной элитой, были и народы севера и востока Сибири, чья социальная организация отличалась дисперсностью, а какие-либо объединения (в хозяйственных или чаще в военных целях) – аморфностью и временным характером, и у которых отсутствовали явно выраженные социальная стратификация и дифференциация и какие-либо управленческие институты, а предводители не обладали никакой принудительной властью над сородичами.

Упомянутый процесс социально-политического освоения начался задолго до разгрома Сибирского ханства и появления в Сибири на постоянной основе первых царских воевод. Уже в конце XV – начале XVI в. московский великий князь Иван III, затем, в середине XVI в., царь Иван IV стремились установить свою власть над зауральскими народами. Согласие ряда остяцких, вогульских и самоедских вождей платить дань дало основание великим князьям «присвоить» их земли себе. В титулатуре Ивана III с конца XV в. среди прочих его владений упоминалась Югорская земля («князь Югорский»). При Василии III к ней добавились две новые сибирские «землицы»: «Государь и великий князь... Обдорский, и Кондинский» [Пчелов, 2010. С. 4–5]. Тем самым, с точки зрения московских политиков, эти земли уже считались своими – московскими, и заодно иностранным правителям давалось понять, что они принадлежат московскому государю. Иван IV в 1556/57 г. уже называл некоторые зауральские территории – «Юсерскую (Югорскую) землю» и «Сорыкитцкие (?) земли» – своей «вотчиной» [Миллер, 1999. С. 324–325].

В 1555 г. в титулатуре московского государя появился новый элемент – «всея Сибирские земли и Северные страны повелитель» [Пчелов, 2010. С. 5]. В 1570 г. сибирская часть царского титула уже звучала так: «...великий князь... югорский... обдорский, кондийский и всея Сибирские земли... повелитель...»¹. Даже после того, как новый правитель Сибирского юрта (ханства) хан Кучум в 1571 г. окончательно разорвал даннические отношения и восстановил свой суверенитет, Иван IV продолжал рассматривать «Сибирь» как свое владение. Именно поэтому в 1574 г. он пожаловал Строгановым земли «на Тахчее и на Тоболе реке», «на Иртыше и на Обе и на иных реках» [Миллер, 1999. С. 332–334]. В конце 1570-х гг. на большой государственной печати появилось геральдическое обозначение Сибирской земли [Пчелов, 2009. С. 17].

После того как разгром Сибирского юрта стал свершившимся фактом, Москва по дипломатическим каналам известила иностранных правителей, что «сидят в Сибири государевы люди, и Сибирская земля вся,

¹ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71. С. 724.

и Югра, и кондинской князь, и пелымской князь, и вогуличи и остяки, и по Оби по великой реке все люди государю добились челом и дань давать почали. И ныне те все земли с Сибирью государю послушны...» [Преображенский, 1972. С. 46]. Правда, полной уверенности в овладении новыми землями еще не было: в чине венчания на царство Федора Ивановича (30 июня 1584 г.) Сибирь вообще не упоминалась². Но эта неуверенность была недолгой. В 1586 г. в полной титулатуре того же царя Федора уже утверждалось, что он «...великий князь... Обдорский, Кондинский, и Обладатель всея Сибирские земли и великие реки Оби...»³, а само «взятие Сибири» объяснялось уже тем, что «Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших» со времен Ивана III [Преображенский, 1972. С. 49]. Эта же аргументация (ссылки на «исконность» владения Сибирью «русскими царями») звучит и в «жалованной грамоте» Федора Ивановича «сибирскому царю» Кучуму 1597 г.⁴ В конце XVI – начале XVII в. постепенно, окончательно уже после Смуты, в полную царскую титулатуру включается титул «царь сибирский» [Пчелов, 2009. С. 14; Трепавлов, 2012. С. 69–71].

В русских дипломатических документах конца XVI в. Сибирь неизменно фигурировала как часть Московского государства. Таким образом русские цари объявили ее своим владением. В XVII в. новые присоединенные территории уже не вносились в титулатуру русских царей, поскольку изначально более политическое, нежели географическое понятие «Сибирь» (под которым подразумевались Сибирский юрт / Сибирское ханство) превратилось в исключительно географическое: Сибирью стали называть всю территорию от Урала до Тихого океана, подчиненную русской власти. И власть над всей этой территорией выражалась в титулах «царь Сибирский». Лишь ряд западно-сибирских земель, «присвоенных» еще к началу XVI в., по традиции выделялся отдельно: «князь... Югорский... государь и великий князь... Обдорской, Кондинской...»⁵. В 1625 г. в царский герб была включена третья корона, символизировав-

шая покоренное Сибирское «царство» [Пчелов, 2009. С. 15].

Идентификации огромного региона как принадлежащего московскому царю способствовали появление на его территории русского населения, русских поселений и православных культовых сооружений, а также инвентаризация его пространства, осуществлявшаяся русской стороной путем описания сибирских «землиц» и народов и составления карт-чертежей отдельных местностей и Сибири в целом [Кивельсон, 2012]. Построение опорного пункта и объявление (неважно, реальное или фиктивное) автоматически означало присвоение территории – ее превращение в «государеву вотчину». Еще не подчиненные «земли», даже имевшие, с точки зрения русской стороны, своих «владельцев», назывались в русских документах «новыми», «иными», «разными», «дальними», «непослушными», «немирными», но не «чужими», т. е. они в принципе не рассматривались как объекты, на которые нельзя посягать. Скорее, наоборот, они а priori считались принадлежавшими царю. Казаки-землепроходцы даже использовали такое понятие, как «государева заочная вотчина»⁶. И следует согласиться с Е. П. Ковалешкиной в том, что Сибирь воспринималась Русским государством как «продолжение собственных владений» [2005. С. 46]. Однако вряд ли это определялось тем, что московские цари якобы ощущали себя наследниками золотоордынских ханов, вследствие чего «в государственном понимании “покорение” Сибири сводилось к ее “возвращению” в подданство московского государя» [Шерстова, 2005. С. 64–65; 2012. С. 94]. Правильнее полагать, что «образование молодой Российской державы имело в идеологическом фундаменте образ и наследие не чуждого татарского “царства”-поработителя, но погибшей единоверной Византии» [Трепавлов, 2007. С. 77], а продвижение в Сибирь рассматривалось и государством, и церковью, и землепроходцами как расширение пределов православного царства⁷.

² СГД. М., 1819. Ч. 2. С. 75, 76, 79.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 132–133.

⁵ СГД. М., 1826. Ч. 4. С. 75–76, 474.

⁶ Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 116.

⁷ Историкографический миф о восприятии Московским государством восточной политической идеологии еще в 2003 г. убедительно раскритиковал Ч. Гальперин [2003].

Номинальное присвоение Сибири русским монархом сопровождалось перераспределением реальных властных полномочий, навязыванием сибирским народам новых (русских) политических понятий и правовым оформлением этого процесса. В отношениях с сибирскими народами (но не только, конечно, с ними, а также и с собственно русскими подданными) царь явно и однозначно позиционировал себя как верховный правитель-собственник, чья власть санкционирована богом и выражает его волю. Иноземцы, как бы реально ни развивались отношения русских с ними, давали шерть – присягу на верность, и она давалась лично царю. Какие бы элементы договора ни содержали в себе шерть и «жалованное слово», объявлявшееся местными администраторами от имени царя, в понятиях русской стороны, да и в реальной жизни, они расставляли вполне определенные акценты. С момента их оглашения великий государь присваивал себе право жаловать (жизнь, земли, род занятий, «государево жалованье») и наказывать своих новых подданных, а последние обязывались давать ему ясак, быть «на веки неотступно в прямом ясачном холопстве», «служить и прямить во всем по своей шерти» и вообще делать все, что он от них потребует. В «жалованном слове» царь брал под свою защиту иноземцев, обещал им свою «милость» (которая, правда, совершенно не конкретизировалась), непокорных же и изменников устрашал «государевою грозой», «военною рукою» и «смертною казнью».

Для иноземцев верховной властной инстанцией во всех ее возможных ипостасях становился русский царь. Во всех документах, касавшихся публично-правовой сферы, четко оговаривалось, что любые официальные действия лиц, облеченных властью, начиная от воевод и кончая рядовыми служилыми людьми, должны были осуществляться исключительно от имени великого государя и в его интересах. Все «добрые» дела – жалованье, подарки, «питье» и «корм», льготы, меры по защите и поддержанию правопорядка и т. д. – декларировались и претворялись в жизнь как «государева милость», их источником был лично сам великий государь. В свою очередь, иноземцам растолковывали, что теперь они должны жить, трудиться, воевать, платить ясак на благо этого государя. Им разрешалось

подавать челобитные с жалобами и разными просьбами, но опять же на государево имя. И при этом с подачи приказной администрации, служилых людей и толмачей они должны были однозначно идентифицировать себя как люди, находившиеся в полной власти «хозяина»: в обращениях к нему называться «сиротами» и «холопами».

«Вотчинный» принцип функционирования Московского государства и формировавшиеся этатистско-патерналистские представления, подкрепленные заботой о приращении «государевой прибыли», приводили к тому, что власть стремилась контролировать те сферы жизнедеятельности иноземцев, от которых напрямую зависели поступления ясака и прочих платежей в казну, а также выполнение разных повинностей. Воеводам и приказчикам наказывалось не допускать иноземцев к пьянству, кровной мести и «междуусобным боям», следить за тем, чтобы русские люди не опутывали их долгами и не обращали в холопов, не торговали с ними запрещенными товарами, а также в неположенных местах и не в указанное время. Государство, охраняя земельные угодья иноземцев, заодно не позволяло им отчуждать земли. Иноземцы, принявшие христианство, обязаны были жить в среде православных, а ясачных стремились расписать по «волостям» и «улусам» и закрепить за определенными пунктами сдачи ясака. Таким образом, вводилось ограничение (по крайней мере, на законодательном уровне) правовой дееспособности иноземцев: ограничение в торговле, правах на землю, в местожительстве, в распоряжении своей личностью и т. д. И лишь те сферы, которые явно не определяли платежеспособность и политическую лояльность иноземцев, оставались вне интересов власти и продолжали регулироваться нормами обычного права.

Все сибирские земли, а равно и население по мере присоединения становились собственностью великого государя, включались в состав его «государства-вотчины» и сразу же превращались в объект эксплуатации, организованной центральной властью [Ковалышкина, 2005. С. 121]. Известный американский исследователь российской «национальной» политики Ю. Слэзкин утверждал, что для Сибири XVII в. «нет оснований полагать, что царь и его служилые люди проявляли какой-либо интерес к заявлению своих прав на земли и людей...»

[2008. С. 51]. Это, конечно, не так. «Жалованное слово» и шертование кардинально меняли права иноземцев на земли. Отныне их верховным собственником и распорядителем становился царь. Реальная ситуация с землевладением, правда, кардинально не менялась: за отдельными исключениями иноземцы продолжали жить и хозяйствовать на своих «исконных» и «породных» землях. Но теперь русская власть четко декларировала, что делать им это позволяет «государева милость», а право на владение землей увязано с «вечным холопством», уплатой ясака и верной службой (что в принципе было аналогично условиям, на которых владели землей собственно русские подданные – служба или тягло). С конца XVI в. отдельным представителям властной элиты, а позже целым «родовым» и «племенным» сообществам от имени царя стали даваться жалованные грамоты на владение «волюсьми и всякими угоды», а к концу XVII в. иноземцы уже приучились к тому, чтобы закреплять за собой землю особыми актами – «данными» и «отводными», получаемыми из воеводских приказных изб.

Одновременно, в конце XVI – XVII в., шел упомянутый выше процесс реформирования русской стороной социальных и потестарных структур, существовавших у народов Сибири. Этот процесс осуществлялся на двух уровнях. Первый – номинальный, когда казаки-землепроходцы, сибирские воеводы и московские дьяки вербализировали, категоризировали, классифицировали и репрезентировали информацию о сибирских этносоциумах в понятных себе самим лексемах. Второй – реальный, когда русская администрация конструировала из аборигенных сообществ, порой весьма аморфных, опять же понятные себе социальные и политические единицы и структуры.

Присоединение в конце XVI в. Западной Сибири не означало для русских знакомство с неизвестным миром. Сибирские татары, остяки и вогулы (ханты и манси), самоеды (ненцы) были уже давно включены в русскую картину мироустройства, пусть даже знания о них не вполне адекватно отражали действительность. Столкнувшись на данной территории с сопротивлением хана Кучума и некоторых остяцких и вогульских вождей, Москва применила тактику (или пыталась применить) первоначального «мягкого»

подчинения «сибирцев» путем установления с ними протекторатных и служебных отношений.

Первые были выстроены с рядом остяцких и вогульских политических объединений, которые в исторической литературе называются «княжествами», – Кодским, Обдорским, Ляпинским, Куноватским, Казымским, Бардаковым и др. Они, как это хорошо показал С. В. Бахрушин [1955], сохранили полную внутреннюю автономию. И хотя, как уже говорилось, произошло кардинальное перераспределение властных полномочий и прав на землю (верховным правителем, собственником земли и получателем дани-ясака стал русский царь), тем не менее правители этих «княжеств», приняв русское подданство и получив от царя свои «родовые» земли в качестве пожалований, сохранили значительный объем власти в своих владениях. Их обязанность в отношении русского царя выражалась в основном в сборе ясака и поминок в «государеву» казну, несении военной службы и поддержании лояльности подвластного населения, а предводители обдорских остяков даже стали посредниками между русской властью и тундровыми самоедами. Поэтому такие отношения можно характеризовать не только как протекторатные⁸, но и с определенной долей условности как сеньориально-вассальные [Там же. С. 125].

Правящую верхушку остяцких и вогульских «княжеств», «югорской самоеды» и селькупской «Пегой орды» русская власть стала титуловать князьями, признавая тем самым их высокий статус. Такая практика началась давно. Во второй половине XV – середине XVI в. в русских источниках упоминаются князья югорские, вогульские, казымские, кодские, самоедские. Некоторые летописи позволяют предположить, что Ермак и его атаманы даже утверждали в «должностях» местных предводителей, признавших в их лице власть русского государя и давших шерть. Так, в Бузуновском летописце можно прочитать следующее: «По взятии города Сибири прииде к Ермаку во град остяцкой князь Боярга (Бояр. – А. З.) со многими дарами и запасы и покаришася

⁸ Понятие «протекторат» активно использует А. Каппелер, характеризуя первоначальное подчинение Московским государством / Российской империей нерусских народов и земель [2000].

Ермаку. Он же *утверждает* их, пиршество им творяше, чтобы им жить под рукою государевою во всяком послушании, а служить во всякой верности, ясак платить и на русских людей дурно не мыслить»⁹. Согласно Кунгурской летописи, пятидесятник Богдан Брязга во время похода по Оби, погромив ряд иноземческих городков, «*постави* (кодского. – А. З.) князя болшого Алачя болшим яко богата суца и отпусти со своими честно»¹⁰ (курсив наш. – А. З.).

К началу присоединения Сибири использование титула «князь» было уже традиционным в русской практике титулования восточных правителей. Связано это было с одной из особенностей московского политического дискурса. Как известно, в русской социально-политической «номенклатуре» и в пределах русских земель до второй половины XV в. только те, кто являлся потомственными князьями (Рюриковичами и Гедиминоичами), имели право на политическую (и государственную) власть, соединенную в значительной мере с собственностью на землю (княжества). В XVI в. ситуация принципиально изменилась: княжества в пределах Московского государства исчезли, правитель Руси стал царем, князья потеряли самостоятельную политическую власть, а во властной иерархии наследственная «титульность» была заменена служилыми чинами. Однако политический лексикон не поспевал за политической практикой. Московским политикам для обозначения правителей восточных народов пришлось использовать лишь те понятные русским людям титулы, которые имелись в этом лексиконе и уже были опробованы на азиатском направлении: царь, царевич и князь.

К концу XVI в. князьями звали тех самостоятельных, полусамостоятельных и зависимых правителей (беков / бегов / биев) кочевых орд, которые не являлись потомками Чингисхана. Чигисидов же, бывших самостоятельными правителями (ханами), именовали царями, а тех из них, кто никогда не нес бремя самовластного правления, – царевичами. Известно, в частности, что правители Сибирского юрта из династии Тайбугидов неизменно русской стороной титуловались князьями, а хан Кучум, даже потеряв престол, – царем. Это не означает,

конечно, что русские не знали собственно тюркских высших титулов (хан, салтан, бек), но в официальном делопроизводстве и законодательстве они употреблялись очень редко.

Вступив в постоянные контакты с остяцкими (хантыйскими), вогульскими (мансийскими), селькупскими и самоедскими (ненецкими) «вождями», русские, не имея еще должного представления об их реальной власти над «сородичами» и вариантах ее перехода от одного лица к другому (по наследству или другим способом), посчитали их вполне полновластными правителями крупных политических объединений, почему и стали титуловать князьями, выдавая даже некоторым из них жалованные грамоты, утверждавшие княжеское достоинство. Однако, что важно отметить, этнотерриториальные объединения, входившие в юрисдикцию таких князей, никогда официально не именовались княжествами.

Служебный вариант отношений был выстроен с основным и самым сильным в Западной Сибири противником – татарами. У них русская власть не сохранила какие-либо политические образования, которые существовали в период Сибирского юрта¹¹. Более того, вся правящая верхушка из числа чингисидов либо погибла, либо была вывезена на «Русь» (где поверстана в службу и пожалована землями), либо оказалась вне пределов Сибири («бродячие царевичи» – потомки Кучума). Прочие же представители военно-политической элиты бывшего Сибирского юрта (султаны, беки, мурзы, есаулы) почти поголовно были зачислены в русскую службу с сохранением земельных владений (юртов), зависимых людей и освобождением от уплаты ясака. Из них в Тобольске, Тюмени и Таре были сформированы подразделения юртовских служилых татар. Некоторые из последних в конце XVI – начале XVII в. назывались в русских документах князьями, мурзами, тарханами и «лучшими людьми»¹².

¹¹ В Сибирском ханстве насчитывалось несколько «княжеств»-юртов / кланов, и, кроме того, был еще отдельный «клан», пришедший вместе с Кучумом [Исхаков, 2006. С. 66, 134–135].

¹² Следует заметить, что тюркские титулы нередко воспринимались и фиксировались русскими как имена или как часть имен, а не как собственно титулы. Например: *Бекмаметка, Янабек, Тарахан батыр, Мурзогиндейко, Янкубин Бек мурза* [Миллер, 2000. С. 398,

⁹ Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 198.

¹⁰ Там же. С. 260.

Для обозначения представителей потестарной элиты остяков и вогулов, управлявших общинами или их небольшими объединениями, но имевших более низкий статус и меньше власти, чем князья, и попавших под ясачное обложение, стала использоваться их собственная «номенклатура» как в оригинальном варианте – мурзы, есаулы, башлыки и др., так и в переводе на русский язык – сотники, десятники¹³. Такие же «звания» сохранялись и у представителей ясачной татарской знати. У них же в конце XVI – начале XVII в. встречались также и князья (см., например: [Миллер, 2000. С. 177, 221, 241]).

Для совокупного обозначения всех этих властвующих лиц, за исключением князей, использовалось понятие «лучшие люди» (варианты: «лучшие мужики», «лучший человек / мужик»), которое применительно к населению Югры встречалось уже в конце XV в. «Лучшие люди» выделялись также у селькупов и самоедов. Правда, в русских документах мурзы и сотники то причислялись к категории лучших людей («мурзы и сотники лутчие люди»), то выделялись отдельно («сотники и лутчие люди», «мурзы и лутчие люди»). Рядовая же масса аборигенов стала зваться «черными» или «улусными» людьми / мужиками (среди них по имущественному принципу могли выделять «добрые» и «худые» «людишки»), а разные категории людей, не обладавших полной правовой дееспособностью, – холопами, захребетниками, вскормленниками, «живущими подле», т. е. словами, уже бывшими в русской социальной лексике, в том числе и заимствованными в свое время от золотоордынцев.

Таким образом, русская власть уже с начала присоединения Сибири ввела для местных народов понятную себе самой социальную градацию, которая не вполне отражала реалии социальных и потестарно-политических отношений в аборигенных сообществах, зато была весьма проста, бу-

дучи представлена всего четырьмя основными стратами – правители (князья) разной степени самостоятельности, лучшие люди (включавшие местную «знать» и управленцев разного уровня, если таковые были), улусные люди и холопы (к последним, как правило, относили всех зависимых людей).

Особая ситуация сложилась у служилых татар, среди которых выделялись князья, мурзы и «лучшие люди», но главной для них становилась стратификация уже не по родовитости и прежде бывшим управленческим функциям, а по чинам, аналогичным чинам русских служилых людей – головы, сотники, пятидесятники и т. д. Использование же местной «оригинальной» титулатуры и «номенклатуры», в том числе уже знакомой русским из общения с тюрками и монголами, объясняется отсутствием в русском языке слов, которыми можно было бы адекватно идентифицировать и классифицировать лиц, имевших определенные позиции и управленческие функции в иноземческой властной иерархии.

Выход русских землепроходцев в начале XVII в. в верховья Оби и на Енисей, а затем их дальнейшее продвижение на восток к Тихому океану ознаменовались встречами с ранее неизвестными народами, которые по своему образу жизни заметно отличались не только от русских, но и нередко друг от друга. Вместе с тем стали наблюдаться заметные новации в подходах русской власти к осмыслению и конструированию политического и социального пространства новых «землиц».

В первую очередь следует указать на то, что официальная документация XVII в. демонстрирует изменение номинации высшей потестарной элиты аборигенных сообществ¹⁴. Уже с конца XVI в. в отношении ее наряду с титулом «князь» начала использоваться его уничижительная форма «князек / кня-

420, 468, 479, 501, 516, 517]. Курсивом выделены собственно титулы.

¹³ Исследователи, занимающиеся административно-территориальной организацией сибирских татар в XVII–XVIII вв., полагают, что «звания» «сотников» и «десятников» являются реликтом военно-административной системы Сибирского юрта [Тычинских, 2009. С. 181]. От татар «военно-административная титулатура» распространилась в Нижнем Приобье [Перевалова, 2004. С. 36].

¹⁴ В данной статье анализируется номинация элиты сибирских этносов. За рамками исследования остались пограничные с Сибирью монгольские народы (калмыки, джунгары и собственно монголы), которые находились вне рамок российской государственности. Отметим лишь, что на протяжении всего XVII в. в отношении их предводителей разного уровня, за редким исключением, употреблялась собственно монгольская титулатура (ханы, контайши, тайши, шуленги, зайсаны и т. д.) и по традиции – для обозначения правителей-ханов из Чингисидов – титул «царь»: хотогойский «алтын-царь», «мунгалские (халхасские. – А. З.) цари».

зец»¹⁵, которая вскоре стала общеупотребительной по всей Сибири. Это, правда, не означало полного исчезновения формы «князь». Так, в первой трети XVII в. ряд местных вождей в Западной Сибири, причем нередко в одних и тех же документах, титуловался то князьями, то князьками. Форма «князь» встречалась здесь, но уже крайне редко и лишь в отношении отдельных лиц также и во второй половине XVII и даже в начале XVIII в. В середине XVII в. вариации титулования (князь / князец) – и опять же нередко в одних и тех же документах – отмечены в отношении одних и тех же даурских, дючерских и некоторых тунгусских вождей в Восточном Забайкалье и Приамурье. Но в целом можно говорить о том, что на протяжении первой половины XVII в. применительно к титулованию вождей сибирских народов форма «князек / князец» вытеснила форму «князь» (о редких исключениях см. ниже). При этом важно отметить, что в отличие от Западной Сибири в Восточной Сибири вплоть до Чукотки и Камчатки титул «князец» сразу же стал применяться русскими землепроходцами и администраторами для номинации главных предводителей этнотерриториальных объединений, причем разного таксономического уровня и уже без учета их реальных властных полномочий и реальной военной силы. Даже главы крупных военно-политических образований (у енисейских кыргызов) и «родовых» объединений (у предбайкальских бурят, якутов и части тунгусов) с момента первого знакомства определялись как князцы, а не князья¹⁶. Оригинальностью отли-

¹⁵ Пожалуй, впервые на это обратил внимание М. А. Демин [1995. С. 78].

¹⁶ В документах, правда, встречаются единичные отклонения от этого правила. Так, томский казак И. Петлин, ездивший в 1618 г. в Китай, титуловал главу кыргызской «Кирбицкий земли» «царем» (Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 92). В статейном списке посольства Д. Черкасова к енисейским кыргызам в 1627 г. некоторые главы кыргызских улусов (Ишей, Сенжа, Кара) фигурируют то как князцы, то как князья [Бутанаев, 2007. С. 143–155]. В наказе первому якутскому воеводе П. Головину 1638 г. предводители «яколских, якутских и братских людей», обитавших в верхнем и среднем течении Лены, называются не только князцами, но и на монгольский манер – тайшами (РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 964, 965). Такая же номинация присутствует и в наказе якутским воеводам В. Пушкину и К. Супоневу 1644 г.: «и кто в тех землях князцы, или тайши, или иные какие лутчие люди» (ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. С. 269). Тайшами из-

чалась ситуация в середине XVII в. в Забайкалье: в отношении местных «братских людей» нам не удалось выявить в документах каких-либо титулов или званий. Судя по отпискам и показаниям землепроходцев, которые вообще очень редко упоминали забайкальских «братов», последние воспринимались русскими, по крайней мере, до начала 1660-х гг., как «улусные мужики» «мунгальских владельцев».

В Восточной Сибири, а также на крайнем севере Западной Сибири в XVII в. проявилась еще одна новация. Выделяя по-прежнему в составе этносоциумов упомянутые выше четыре социальные страты¹⁷, русские уже, как правило, не фиксировали внутри «лучших людей» какие-либо особые «знатные» или «должностные» группы. Такой подход отражал как реальную ситуацию (отсутствие таких групп у большинства местных народов и соответственно отсутствие в их языках иерархизированных номинаций), так и, по нашему мнению, нежелание русской стороны фиксировать эти группы, если они реально существовали (у енисейских кыргызов и бурят).

Наблюдается и нарастающая к концу XVII в. амбивалентность в подходах русской власти к статусу сибирских князцов и «лучших людей». С одной стороны, ее представители на местах на протяжении всего XVII в. четко обозначали князцами тех, кто таковыми, по их мнению, являлся. Князцы явно фиксировались как особая социальная группа: «князцы и лутчие люди», «князцы и ясачные люди», «князцы и их люди / улусные люди», «князцы, и ясоулы, и ясачные люди», «князцы и мурзы и тотаровя» и т. д. И далеко не каждого предводителя какого-либо семейного клана или их объединений

редка в начале XVII в. титуловали вождей телеутов [Миллер, 1999. С. 417; 2000. С. 373]. Особо заметим, что форма «князь» ни разу не встретилась нам в документах в отношении бурят, якутов, юкагиров, коряков и чукчей.

¹⁷ В некоторых южных регионах Сибири как особая группа населения фиксировались «кыштымь». Это слово, будучи соционимом, несло в первую очередь политическую нагрузку: так назывались этнотерриториальные группы, зависимые от более сильных соседей. Но у самих кыштымов могли выделяться князцы и «лучшие люди». Аналогичный статус имели «инбаты», бывшие в подчинении у Пегой орды. Как особая группа в Сибири также выделялись шаманы. Но это выделение имело не иерархизированное значение, а профессиональное. Среди шаманов могли быть как «родоначальники», так и холопы.

русские называли князцом. Об этом определенно позволяют говорить материалы учета сбора ясака, согласно которым не во всех ясачных «волостях» и «улусах», представлявших разноформатные объединения, имелись князцы. Ясачные книги также показывают, что князцами титуловались только реальные главы, а их родственники, даже ближайшие, если не были «самовластными» правителями, титулов не имели, а идентифицировались по родственным связям с князцами: «князцов дети», «князцы и их братья, и племянники» и т. д. Среди князцов русские могли также выстраивать градацию в соответствии с их реальной статусной ролью и количеством «подданных», выделяя «лутчих», «самых лутчих», «больших князцев». Правда, то и другое определялось русскими в соответствии с их собственным видением ситуации.

В огромном массиве сохранившихся делопроизводственных документов, равно как и в законодательных актах невозможно обнаружить каких-либо объяснений принципов титулования высшей аборигенной потестарной элиты. Однако вряд ли мы ошибемся, если станем утверждать, что сначала землепроходцы, затем местные администраторы иерархизировали «родовых» и «племенных» вождей по объему их реальной власти над сородичами, причисляя одних к князцам, других (основную массу) — к «лучшим людям». Правда, эта иерархизация основывалась на сравнении статусного положения князцов, равно как и «лучших людей», с находившимися в их ведении «улусными людьми», а не на сравнении с князцами и «лучшими людьми» других народов. В результате князцы и «лучшие люди» разных народов заметно отличались друг от друга по своему реальному статусу и реальным функциям.

В практических действиях, направленных на «приобретение» «новых земель» и их закрепление под властью великого государя, русская администрация стремилась активно взаимодействовать с князцами и «лучшими людьми», опираться на них и использовать в своих целях, признавая и подчеркивая их властный статус. Именно они в первую очередь приносили шерть, приглашались для заслушивания «государева жалованного слова» и получали подарки, с их помощью воеводы и приказчики осуществляли суд над иноземцами, разрешали кон-

фликтные ситуации и поддерживали отношения господства-подчинения. Отдельные представители элиты не только лично освобождались от уплаты ясака, но и получали право собирать его со своих «сородичей». Почти повсеместно «вожди» привлекались к сбору ясака, в том числе в целях контроля за действиями ясачных сборщиков. А к концу XVII в. стремление русской власти передать ясачный сбор в руки «родоплеменной» верхушки, которая бы сама доставляла ясак в города и остроги, становится уже явно выраженным и охватывает многие районы, считавшиеся закрепившимися в русском подданстве.

С другой стороны, с середины XVII в. русская власть все реже употребляет титул «князец» применительно к вождям сибирских народов. Особенно это заметно, если судить по материалам ясачных книг, в северо-восточных районах Сибири. Здесь же, но уже в XVIII в., для официального наименования глав якутских улусов вводится якутский же соционим «тойон», который распространяется также на ительменов, чукчей и часть коряков. Схожий процесс, по нашим данным, с 1660-х гг., идет и в южных районах Сибири: в отношении князцов и «лучших людей» у бурят, некоторых групп забайкальских тунгусов и енисейских кыргызов русские начинают употреблять титулатуру, заимствованную у монголов: тайши, зайсаны, шуленги, есаулы. Причем в этом вопросе наблюдалась вариативность. Если при номинации бурятских «вождей» титул «князец» к началу XVIII в. почти перестал употребляться [Залкинд, 1958. С. 253–255], то при номинации кыргызских «вождей» он стал сочетаться с монгольскими титулами [Бутанаев, 2007. С. 258].

На протяжении XVII в. титул «князец» теряет свою «титольность» и приобретает у ясачных людей, по сути, «должностное» значение. «Князьки / князцы», а равно «мурзы», «есаулы», «сотники» и прочие «иноземческие» обозначения власти имущих становятся в русском делопроизводстве наименованием тех лиц аборигенных сообществ, которым русская власть вручала исполнение определенных должностных обязанностей, т. е. с русской точки зрения все эти «титулы» и «звания» превращаются в наименование должностей «аборигенного» звена местного управления. Следует также отметить тот факт, что уже со второй трети

XVII в. князцы, продолжая, как говорилось выше, выделяться особо, все чаще в разного рода документах квалифицируются как группа, относимая к категории «лучших людей», а то и просто называются «мужиками». «Мужиками» и просто по имени нередко обозначают и «лутчих людей». И, наконец, пожалуй, самое важное – русская администрация начала практиковать назначения в должности князцов и «лучших людей», причем не всегда учитывая принцип наследственности, хотя в целом он все же сохранялся (там, где был).

За редким исключением (мурзы Кульмаметевы и Кутумовы) теряют титулы и «должностные» звания служилые татары, которые к концу XVII в. по своему статусу полностью уравниваются с русскими служилыми людьми. В Западной Сибири лишь несколько потомков остяцких, вогульских и самоедских князей конца XVI в. сохранили за собой княжеские титулы, официально признанные русской властью: князья Кондинские, Пелымские, Алачевы¹⁸, Обдорские (с начала XVIII в. – Тайшины). В Восточной Сибири титул князя с 1685 г. закрепился за некоторыми из потомков одного из предводителей забайкальских «конных» тунгусов – Гантимура. В 1709 г. титул князя был пожалован, но лишь индивидуально якутскому князю Ф. М. Отконову. Однако все выше-названные князья (исключая Обдорских) были крещены, поверстаны в служилые люди – в чины дворян и детей боярских, а многие из них к концу XVII в. реально уже были отстранены от управления соплеменниками, переселившись (или будучи переселены) в русские города и остроги.

Вряд ли можно сомневаться, что явно наблюдаемая на протяжении XVII в., при всех вариациях и отклонениях, тенденция принижения русской властью номинального статуса высшей аборигенной элиты (князья → князцы → лучшие люди → ясачные мужики) стала следствием расширения русской стороной своих знаний о социально-потестарном устройстве аборигенных сообществ, в том числе о степени реальной власти и реальных полномочиях их предводителей. Из донесений с мест становилось понятно, что власть князцов и прочих «лучших людей» у большинства сибирских

этносоциумов не имела наследственного характера, зачастую являлась ситуативной и базировалась преимущественно на их личном авторитете и богатстве. Можно также предположить, что свою роль сыграло и нежелание центральной власти увеличивать в стране численность князей из числа иноземцев. В Московской Руси XVII в. их и без Сибири было очень много, поскольку князьями официально признавались многочисленные поволжские татарские мурзы и мордовские «панки», принявшие православие [Карнович, 1886. С. 168, 174].

С пополнением информации об устройстве аборигенных сообществ связано и изменение в политических отношениях с ними. В отличие от Западной Сибири, подчиненной к концу XVI в., во всей остальной Сибири русская власть в своих действиях отказалась от применения протекторатных и служебных связей. Территориальным рубежом стало Верхнее Приобье и южные районы Енисейского края. Здесь мы еще видим зачисление в службу части «татар» (еуштинцев, чатов, тюркоязычных алтайцев, аринцев и качинцев) и «белых колмаков» – телеутов и формирование из них особых воинских подразделений в составе томского, кузнецкого и красноярского гарнизонов. Во взаимодействии с телеутами и кыргызами прослеживаются и попытки Москвы установить над ними протекторат. Но здесь же русская сторона категорически отказывается от предоставления кыргызам особого статуса по примеру служилых татар, хотя кыргызские князцы и предлагали такой вариант взаимодействия.

В отношении же народов Восточной Сибири русская власть полностью исключает сохранение у них каких-либо автономных политических объединений (наподобие остяцких и вогульских «княжеств») или предоставления служилого статуса (без уплаты ясака) каким-либо их социальным или этническим группам. Она требует и реализует или, по крайней мере, стремится реализовать полное и безусловное подчинение всех «вновь приисканных иноземцев», несмотря на то, что некоторые из них – кыргызы, буряты и якуты – по своему военному потенциалу превосходили остяков и вогулов и оказали русским более серьезное сопротивление, чем последние. Это же стремление распространяется на западносибирские «княжества», которые лишаются автономии

¹⁸ Династия князей Алачевых пресеклась уже в середине XVII в.

и к середине XVII в. перекраиваются русской властью в ясачные волости. К концу XVII в. сохранить фактическую автономию во внутренних делах смогли лишь куноватские и обдорские князцы в силу труднодоступности их владений для русской администрации.

Процесс освоения и присвоения Московским государством социально-политического пространства Сибири и изменения им аборигенных социальных и потестарных структур не ограничивался, конечно, обозначенными выше параметрами. В частности, не рассмотренными остались административно-территориальное структурирование¹⁹ и практика судопроизводства, осуществлявшиеся русской властью в Сибири. Тем не менее вышеизложенное позволяет утверждать, что уже в конце XVI – XVII в., в ходе подчинения сибирских территорий и народов, происходило кардинальное переформатирование политических и социальных отношений. И хотя внутренняя социально-потестарная организация местных этносоциумов оставалась, за редким исключением (сибирские татары), без изменений, основные властные функции перешли в руки русского монарха и его агентов на местах. Русская власть, взяв под свой контроль те сферы жизнедеятельности сибирских народов, которые обеспечивали их лояльность и выполнение роли налогоплательщиков, начала регулировать широкий спектр отношений внутри аборигенных сообществ. Пожалуй, наиболее ярко это выразилось в быстро распространившейся практике обращения рядовых улусных и зависимых людей напрямую (минуя «родоначальников») к местной русской администрации по самым разнообразным поводам. И даже сами князцы, случалось, «били челом» воеводам и приказчикам на подвластных им сородичей.

Переформатирование осуществлялось и путем описания русскими сибирского социально-политического пространства, включаемого в состав Московского государства, понятными им самим соционимами, с помощью которых они классифицировали и иерархизировали существовавшие у сибир-

ских народов социальные группы, в том числе элиты²⁰. Важно подчеркнуть, что в этом нарративе русские землепроходцы и управленцы использовали преимущественно русскую (князь / князец, «лучшие люди») или хорошо им известную «иноземческую» («улусные люди») лексику, почти не принимая во внимание номинацию, используемую аборигенами, хотя таковая, несомненно, у них имелась²¹. Да и сами аборигены быстро освоили и стали применять русскую социальную лексику. Это способствовало не только адаптации их социальной «номенклатуры» к русскому социально-политическому дискурсу, но и ее унификации в пределах Сибири. Правда, со второй половины XVII в. в русском делопроизводстве применительно к некоторым сибирским народам наблюдается дерусификация социальной «номенклатуры», выяснение причин которой требует отдельного исследования.

Наконец, в процессе изменения аборигенных социальных и потестарных структур, осуществляемого русской властью, можно выделить два последовательных варианта: первый, условно назовем его западносибирский, – протекторатный и служебный, характеризовавшийся постепенной интеграцией, и второй – восточносибирский, в котором протекторатные и служебные отношения или отсутствовали вовсе, или присутствовали фрагментарно, неявно выражено. Оба варианта, один медленнее, другой быстрее, способствовали сначала номинальному, затем реальному освоению / присвоению социально-политических институтов, существовавших у сибирских народов.

Список литературы

Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в.: очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010. 372 с.

²⁰ Это не было только русской спецификой. Точно так же поступали и западноевропейцы при описании аборигенных сообществ колонизируемых территорий (см.: [Акимов, 2010. С. 216]).

²¹ Аналогичный процесс русификации наблюдался в рассматриваемое время и применительно к пространственной организации аборигенных сообществ, которые стали обозначаться, как правило, русскими словами – «землица», «род», «волость», «сотня», и лишь изредка – тюрко-монгольскими – «орда», «улус», «юрт».

¹⁹ Из новейших исследований, раскрывающих способы структурирования и маркировки русской властью вновь осваиваемых территорий, см.: [Конев, 2012].

- Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 86–152.
- Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. 296 с.
- Гальперин Ч.* Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды // Родина. 2003. № 12. С. 68–71.
- Демин М. А.* Коренные народы Сибири в ранней русской историографии: Учеб. пособие. СПб.; Барнаул, 1995. 197 с.
- Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. 318 с.
- Исхаков Д. М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. 196 с.
- Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад: Пер. с нем. М., 2000. 344 с.
- Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886. 249 с.
- Кивельсон В.* Картография царства: земля и ее значение в России XVII в.: Пер. с англ. М., 2012. 360 с.
- Ковалышкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. 326 с.
- Конев А. Ю.* Термин «волость» в административной политике и практике управления населением Западной Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр.: В 3 ч. Омск, 2012. Ч. 1. С. 301–307.
- Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. 272 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1. 630 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2. 796 с.
- Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. 414 с.
- Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. 392 с.
- Пчелов Е. В.* Символы Сибирского царства // Изв. Урал. гос. ун-та. 2009. № 4 (66). С. 13–22.
- Пчелов Е. В.* Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. 2010. № 1. С. 3–28.
- Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде. Тула, 2008. 480 с.
- Слэзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера: Пер. с англ. М., 2008. 512 с.
- Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. 255 с.
- Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. 231 с.
- Тычинских З. А.* К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве сибирских татар в XVI–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. ст. Казань, 2009. Вып. 1. С. 172–182.
- Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. 312 с.
- Шерстова Л. И.* Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 365. С. 93–98.

Материал поступил в редколлегию 30.04.2013

A. S. Zuev

THE DEVELOPMENT AND APPROPRIATION OF SOCIO-POLITICAL SPACE OF SIBERIA BY THE MOSCOW STATE AT THE END OF THE XVI – XVII CENTURY

The author focuses on the process of reformatting social and potestarny structures of Siberian aborigines and their adaptation to the Russian state institutes and socio-political practices by the Russian power at the end of the XVI – XVII century. It is demonstrated that in this process the description of Siberian socio-political space in the structure of the Moscow state by the Russians played a very important role. They depicted it through socionyms which were clearly understandable to them and by means of which they classified and hierarchized social groups of the Siberian people, including elite.

Keywords: Siberia, the XVI–XVII centuries, annexation of Siberia, Russian-aboriginal relations, socio-political adaptation, political culture.